

"Церковный служитель"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ЦЕРКОВНЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ

В тот день в послеобеденное время в церкви св. Петра на Невилл-скуэр состоялось крещение, и церковный служитель Алберт Эдвард Форман еще не снял своего одеяния. Новое облачение с такими пышными и жесткими складками, словно оно не сшито из альпаки [1], а отлито из бронзы, он берег для похорон и венчаний (фешенебельная публика обычно предпочитала проводить эти церемонии в церкви св. Петра на Невилл-скуэр), и сейчас на нем было облачение попроще. Он носил его с глубоким удовлетворением, ибо почитал достойным символом своей должности, а без него (когда снимал его перед уходом домой) испытывал неприятное чувство, будто был полураздет. Не жалея сил, он самолично складывал и гладил его. За шестнадцать лет своей службы в церкви он накопил их множество, но ни разу не решился выбросить изношенные, и все до единого, аккуратно упакованные в оберточную бумагу, они лежали в нижних ящиках его гардероба в спальне.

Служитель наводил порядок: накрыл крашеной деревянной крышкой мраморную купель, убрал стул, принесенный для старой больной дамы, и ждал, пока викарий [2] закончит дела в ризнице и он сможет прибраться там и уйти домой. В это время он увидел, что викарий подошел к алтарю, преклонил колена и тут же вышел в проход между скамьями. Он все еще не снял сутаны.

«И чего он только канителится? — подумал служитель. — Не знает разве, что мне пора пить чай?»

Недавно назначенный викарий был краснолицый, энергичный мужчина лет сорока с небольшим, и Алберт Эдвард все еще вспоминал его предшественника, священника старой школы, который неторопливо читал проповеди серебристым голосом и частенько обедал у знатных прихожан. Ему нравилось в церкви так, как оно было, и он никогда не суетился попусту, не то, что этот новичок, который всюду сует нос. Но Алберт Эдвард — человек терпимый. Церковь св.Петра находилась в очень хорошем районе, и ее прихожане принадлежали к весьма почтенной публике. Новый викарий перешел сюда из Ист-Энда, и едва ли можно было ожидать, что он сразу принорвится к сдержанному поведению своих фешенебельных прихожан.

— Одна только сутолока, — пробурчал Алберт Эдвард, — но с течением времени попривыкнет.

Когда викарий, продвигаясь по проходу, подошел поближе к служителю и мог заговорить с ним, не повышая голоса более, чем это дозволительно в церкви, он остановился.

— Зайдите на минутку в ризницу, Форман.

— Непременно, сэр.

Викарий подождал, пока он подойдет, и они вместе пошли по проходу.

— Очень приятное было крещение, позвольте мне заметить, сэр. Удивительно, что младенец перестал плакать, как только вы его взяли на руки.

— Я заметил, что так часто бывает, — сказал викарий, улыбнувшись, — это неудивительно, у меня большая практика.

Викарий втайне гордился, что ему почти всегда удавалось утихомирить плачущего младенца,

умело держа его, и он не мог не замечать удивленно-восхищенных взглядов матерей и нянюшек, которые наблюдали, как он укладывает младенца на изгиб прикрытой стихарем [3] руки. Служитель знал, что викарию приятно, когда восторгаются его талантом.

Викарий первым вошел в ризницу [4], за ним Алберт Эдвард. Последний с некоторым удивлением увидел там двух церковных старост. Он не заметил, как они вошли. Они любезно кивнули ему.

— Добрый день, милорд, добрый день, сэра, — поздоровался он с ними по очереди.

Оба престарелые, они исполняли обязанности церковных старост в течение всего времени, что Алберт Эдвард работал служителем этой церкви. Теперь они сидели за красивым столом для трапез, который прежний викарий привез много лет назад из Италии. Викарий сел на свободное кресло между ними. Алберт Эдвард смотрел на них поверх разделявшего их стола и с некоторым беспокойством думал о том, что могло стрястись. Он еще не забыл того случая, когда органист попал в беду и сколько у всех было хлопот, чтобы замять историю. В такой церкви, как церковь св.Петра на Невилл-скуэр, нельзя было допустить скандала. Красное лицо викария выражало решительное благодушие, но двое других казались несколько встревоженными.

«Не иначе, как допек их, — подумал про себя служитель, — небось уговорил их что-то сделать, а им неохота. Помяните мое слово, так оно и есть».

Но мысли Алберта Эдварда не нашли отражения на его гладко выбритом, исполненном достоинства лице. Он стоял в почтительной позе, но без подобострастия. До того, как занять должность в церкви, он долго был в услужении, но только в очень хороших домах, и держался безупречно. Начал он с посыльного у крупного торговца, затем поднялся постепенно от четвертого до первого лакея, потом в течение года был дворецким у вдовы пэра, и до тех пор, пока не появилась вакансия в церкви св.Петра на Невилл-скуэр, он служил дворецким в доме бывшего посла и имел в своем подчинении двух помощников. Был он высок, сухощав, серьезен и величествен. Он смахивал если не на герцога, то на актера старой школы, традиционно исполнявшего роли герцогов. Он обладал тактом, твердостью и уверенностью в себе. Его репутация была безупречна.

Викарий быстро приступил к делу:

— Нам придется сказать вам нечто довольно неприятное, Форман. Вы прослужили здесь много лет, и я думаю, его светлость и генерал согласятся со мной, что вы выполняли свои обязанности к вящему удовольствию всех заинтересованных лиц.

Оба церковных старосты кивнули.

— Но на днях мне стало известно одно поразительное обстоятельство, и я счел своим долгом ознакомить с ним церковных старост. К своему удивлению, я обнаружил, что вы не умеете ни читать, ни писать.

На лице служителя не изобразилось никакого смущения.

— Прежний викарий знал об этом, сэра, — ответил он. — И говорил, что это не имеет значения, ибо, по его мнению, в мире слишком много ученых людей.

— Это самая удивительная вещь, какую мне приходилось слышать, — воскликнул генерал. — Вы хотите сказать, что работаете служителем церкви на протяжении шестнадцати лет и не

умеете ни читать, ни писать?

— Я пошел в услужение, когда мне было двенадцать лет, сэр. На первом месте повар пытался обучить меня, да, видно, у меня нет способностей, а потом уж так получилось, что и времени не было. В общем-то мне это никогда не мешало. Мне думается, множество нынешних молодых людей тратят зря уйму времени на чтение вместо того, чтобы делать что-нибудь полезное.

— Но неужели вам не хочется знать, что творится в мире? — спросил другой церковный староста. — Или написать письмо?

— Нет, милорд, мне кажется, я прекрасно обхожусь без этого. А в последние годы в газетах так много картинок, что я неплохо соображаю, что происходит. Моя жена — женщина, можно сказать, ученая, так что, если мне нужно отправить письмо, она пишет его за меня. Другое дело, если бы я заключал пари у букмекеров.

Церковные старосты тревожно взглянули на викария и опустили глаза.

— Вот что, Форман, я обсудил положение с этими джентльменами, и они вполне согласны со мной, что возникла недопустимая ситуация. В церкви св.Петра на Невилл-скуэр мы не можем иметь служителя, который не умеет читать и писать.

Худое, бледное лицо Алберта Эдварда покраснело, он переминался с ноги на ногу, но ничего не ответил.

— Поймите меня, Форман, у меня нет к вам никаких претензий. Вы выполняете свои обязанности вполне добросовестно, и я высокого мнения о вашем поведении и ваших способностях, но мы не можем рисковать тем, что из-за вашего прискорбного невежества случится какое-нибудь несчастье. Речь идет о благоразумии и о принципе.

— А не могли бы вы овладеть грамотой, Форман? — спросил генерал.

— Нет, генерал, боюсь, что не смогу. Уже поздно. Я не молод, как раньше, и если не мог вбить буквы себе в голову, когда был мальчонкой, то не думаю, что мне это удастся сейчас.

вернуться

1

Альпака — мягкая ткань из шерсти ламы.

вернуться

2

Викарий (от лат. vicarius — заместитель) — помощник епископа по управлению епархией.

вернуться

3

Стихарь — длинная одежда с широкими рукавами, надеваемая православным духовенством

при богослужении.

вернуться

4

Ризница — место в церкви для хранения риз (парадного облачения служителей церкви) и утвари.

— Нам не хотелось бы поступить с вами сурово, *Форман*, — сказал *викарий*, — но церковные старосты и я приняли твердое решение. Мы даем вам три месяца, и если к концу этого срока вы не научитесь читать и писать, боюсь, вам придется уволиться.

Алберт Эдвард никогда не любил нового *викария*. Он с самого начала считал, что его назначение в церковь св.Петра было ошибкой. Не такой он человек, какой нужен столь почтенным прихожанам. *Форман* слегка распрямился. Он знает себе цену и не позволит, чтобы им помыкали.

— Прошу прощения, сэр, но боюсь, это бесполезно. Старую собаку, как говорится, новым фокусам не научишь. Я прожил много лет, не умея читать и писать, и не стану хвалиться — бахвальство плохая рекомендация, но замечу, что справлялся со своими обязанностями в тех высоких местах, куда провидению угодно было меня направить, и даже если бы я мог обучиться грамоте сейчас, мне вряд ли захотелось бы этого.

— В таком случае, *Форман*, боюсь, вам придется нас покинуть.

— Да, сэр, я вполне понимаю. Я с радостью уйду и вручу свою отставку, как только вы найдете мне замену.

Но когда *Алберт Эдвард* со своей обычной вежливостью закрыл дверь церкви за *викарием* и двумя церковными старостами, он не мог более сохранять вид невозмутимого достоинства, с каким он выдержал нанесенный ему удар, и губы его задрожали. Он медленно вернулся в *ризницу* и повесил на крючок облачение служителя. Тяжело вздохнул, вспомнив обо всех пышных похоронах и фешенебельных свадьбах, на которых он присутствовал. Потом все прибрал, надел пальто, с шляпой в руке пошел по проходу, запер за собой дверь и побрел через площадь, но, погрузившись в печальные мысли, направился не по улице, которая вела к дому, где его ждала чашка крепкого, хорошо заваренного чая, а свернул в другую сторону. Он шел медленно. На душе было тяжело, и он не знал, что ему теперь делать. Мысль вернуться в услужение ему не улыбалась: после того, как столько лет он был сам себе хозяин, — ибо пусть *викарий* и церковные старосты говорят, что угодно, но именно он управлял церковью св.Петра на *Невилл-скуэр*, — он вряд ли мог так низко пасть, чтобы пойти в услужение. У него накопилась кругленькая сумма, но недостаточная для того, чтобы жить ничего не делая, да и жизнь дорожала с каждым годом. Он никогда не задумывался над подобными вопросами. Служители церкви св.Петра, подобно папам римским, занимали свою должность до конца дней своих. Ему часто представлялось, как лестно упомянет *викарий* в своей проповеди в первое воскресенье после его смерти о долгой беспорочной службе и примерном поведении их покойного служителя *Алберта Эдварда Формана*. Он глубоко вздохнул. *Алберт Эдвард* не курил и не пил, но все же позволял себе выпить за обедом стакан пива, а когда уставал — побаловаться сигаретой. Ему пришло в голову, что сигарета успокоила бы его, а поскольку он не носил их с собой, то осмотрелся, ища лавку, где мог бы купить пачку «Голд флейкс». Вблизи лавки не было, и он прошел еще немного. Это была длинная улица со всевозможными

магазинами, но на ней не было ни одного, где можно было бы купить сигареты.

— Странно, — сказал Алберт Эдвард.

Чтобы проверить себя, он прошел всю улицу в обратном направлении. Нет, он не ошибся. Он остановился и задумчиво огляделся.

— Вряд ли я единственный человек, который идет по этой улице и хочет закурить, — сказал он себе. — Мне кажется, что небольшая лавочка здесь могла бы преуспевать. Табак и сладости, а?

Он вдруг встрепенулся.

— Это идея! — воскликнул он. — Странно, что удача сама идет в руки, когда ты этого совсем не ждешь.

Он повернул и пошел домой, где выпил ожидавший его чай.

— Ты сегодня что-то очень молчалив, Алберт, — заметила его жена.

— Я думаю, — отозвался он.

Он обдумал вопрос со всех сторон и на следующий день вновь прошелся по этой улице, и ему повезло найти небольшую лавочку, которая сдавалась внаем и как раз отвечала его требованиям. Двадцать четыре часа спустя он снял ее, а когда через месяц навсегда покинул церковь св.Петра на Невилл-скуэр, Алберт Эдвард Форман основал свое дело как владелец табачной и газетной лавки. Его жена считала это позорным падением после должности служителя церкви св.Петра, но он ответил, что надо идти в ногу со временем, церковь уже не та, что была раньше, и отныне он будет воздавать кесарю кесарево. Алберт Эдвард преуспевал настолько, что примерно через год ему пришлось в голову завести вторую лавку и отдать ее на попечение управляющего. Он поискал еще одну длинную улицу, на которой не было табачной лавки, и когда нашел такую, а также лавочку, сдававшуюся внаем, он снял ее и завез товар. Она также стала приносить доход. Потом у него возникла идея, что, коль скоро он справляется с двумя лавками, он может справиться и с полудюжиной, так что он стал бродить по Лондону и всякий раз, когда обнаруживал длинную улицу без табачного киоска и пустую лавку, сдававшуюся внаем, он завладевал ею. За десять лет он приобрел не менее десяти лавок и загребал огромные барыши. Он сам обходил все свои лавки по понедельникам, собирая недельную выручку, и относил ее в банк.

Однажды утром, когда он протянул кассиру пачку банкнотов и тяжелый мешочек с серебром, кассир сказал, что его хочет видеть управляющий банком. Его провели в кабинет, и управляющий обменялся с ним рукопожатием.

— Мистер Форман, я хотел поговорить с вами о деньгах, которые вы храните в нашем банке. Известно ли вам точно, какова общая сумма?

— С точностью до фунта нет, сэр, но примерно представляю себе.

— Если не считать той суммы, которую вы внесли сегодня, у вас накопилось тридцать с лишним тысяч фунтов. Это очень большая сумма, чтобы просто держать ее в банке, и я полагаю, вам выгоднее было бы вложить капитал в ценные бумаги.

— Мне не хотелось бы рисковать, сэр. Я знаю, что в банке держать деньги надежно.

— У вас нет оснований для малейшего беспокойства. Мы составим для вас список абсолютно надежных ценных бумаг. Вы будете получать с них более высокий процент, чем тот, какой мы в состоянии вам платить.

На достойном лице мистера Формана изобразилось беспокойство.

— Я никогда не имел дел с капиталами и акциями, и мне придется оставить все в ваших руках, — сказал он.

Управляющий улыбнулся.

— Мы обо всем позаботимся сами. Единственное, что вам придется сделать в следующий раз, когда вы придете, это просто подписать трансферты [5].

— Это я, конечно, могу сделать, — сказал Алберт, — но откуда я буду знать, что я подписываю?

— Я полагаю, вы сможете прочитать, — чуть-чуть резковато сказал управляющий.

Мистер Форман взглянул на него с обезоруживающей улыбкой.

— В этом-то и дело, сэр. Не смогу. Знаю, что это звучит нелепо, но никуда не денешься: я не умею ни читать, ни писать, только подписывать свою фамилию, да и этому я научился только когда занялся бизнесом.

Управляющий был настолько изумлен, что даже вскочил с места.

— В жизни не слыхал ничего более невероятного!

— Видите ли, сэр, дело в том, что у меня никогда не было возможности учиться до тех пор, пока не стало слишком поздно, а тогда мне уже и не хотелось. Заупрямился, так сказать.

Управляющий смотрел на него как на доисторическое ископаемое.

— Вы что же, хотите сказать, что создали это крупное дело и накопили состояние в тридцать тысяч фунтов стерлингов, не умея ни читать, ни писать? Господи, боже мой, дружище, кем бы вы были теперь, если бы умели читать и писать?

— Это я могу вам сказать, сэр, — ответил мистер Форман, и легкая улыбка осветила его все еще аристократические черты. — Я был бы служителем церкви св. Петра на Невилл-скуэр.

вернуться

5

Трансферт (от лат. *transterre* — переносить, переводить) — акт передачи права владения именными ценными бумагами одним лицом другому.